

Когда он вызубрил Четверокнижие с поглавными толкованиями от корки до корки, научился с первого взгляда определять размер и рифму в стихах, а также выучил наизусть «Ши цзин», то велел Цуй Юаню с сыном приготовить шесть традиционных подарков для обряда ученичества и отправился вместе с ними к господину Линю.

Когда Цуй Се явился с подарками к порогу, господин Линь вовсе не обрадовался, а будто даже немного растерялся и невпопад обронил:

— Ты уже так рано пришел учиться?

«Разве рано? Уже пятнадцатое число восьмой луны позади, скоро день рождения совершенномудрого Конфуция. Если не поступить сейчас, то ждать высокосного восьмого месяца?»

Цуй Се посмотрел на учителя чистым, открытым взглядом, отчего господину Линю стало не по себе. Тот сухо откашлялся, принял из рук Пэн Яня подношения и уже мягким, ласковым тоном произнес:

— Ладно, я вижу, как сильно твое стремление к знаниям. Сегодня я принимаю тебя в ученики.

С этими словами он подвел ученика к портрету совершенномудрого Конфуция в главного зале, принял официальный поклон, ответил несколькими напутствиями и позволил пройти в класс — на отличное место у окна.

Цуй Се обладал умом и выдержкой взрослого человека: был терпелив, сдержан и нисколько не испытывал отвращения к учебе. На занятиях он внимательно слушал, прилежно зубрил каноны, вовремя сдавал все задания, а его почерк был аккуратным и ровным. Во всей школе нельзя было найти ученика лучше. Однако господин Линь, глядя на нового воспитанника, каждый раз вспоминал о его просьбе собрать книгу для печати, отчего невольно приходил в смятение.

Сначала Цуй Се обратился к нему как ученик с просьбой, а на следующий день пришел управляющий из книжной лавки «Чжижун», пригласил в кабак на обед да еще и преподнес два отреза драгоценного шелка и двадцать лянов чистейшего серебра. Если не сделать дело в лучшем виде, его старому лицу просто нечем будет смотреть в глаза своему ученику.

День и ночь размышляя об этом, учитель совсем потерял покой и преподавал сквозь пальцы. Оставив учеников самостоятельно читать в классе, он перебирал в голове всех книжников уезда Цяньань и всей Юнпинской управы, слагавших повести и сказания, но ни один из них не казался ему достаточно умелым.

Всё-таки изящная словесность Бэйчжили уступала Цзяннаню.

Господин Линь печально вздыхал. Вечером, вернувшись в спальню, он зажег светильник и при свете стал перелистывать доставленные из Цзяннаня «Записки о встрече Ли Чанлу с небожителем в каменной пещере». Любуясь талантом южных сочинителей, которых на юге было пруд пруди, он вдруг осекся: а кто сказал, что на севере нет цзяннаньских талантов? Разве в столице не проживает тьма-тьмущая искусных мужей со всех краев — из Цзяннаня, с севера, из двух столиц и тринадцати провинций?

Среди них наверняка найдутся те, кто не прочь написать парочку повестей для книжной лавки, а заодно и прославить собственное имя!

Вопрянув духом, он тут же взялся за кисть и написал письмо старому другу, с которым познакомился еще во время сдачи экзаменов в Шуньтяньфу. В конверт он приложил целых десять лянов серебра и несколько брусков отличной туши в качестве гонорара. К письму прилагались две корзины местных яблок-груш и две пачки хорошей бумаги. Ссылаясь на давнее братство неудачников, вместе сдававших и вместе проваливавших экзамены, он слезно умолял друга найти настоящего гения, чтобы собрать рукопись: изящную по слогу, утонченную, но не опускающуюся до пошлости, достойно выдерживающую строгую критику образованных людей.

Старый друг не подвел — не прошло и месяца, как прислал переписанную от руки рукопись.

Это был не цельный длинный роман, а сборник из четырех коротких новелл. Все они повествовали о том, как обедневший школяр встречает невероятной красоты богиню, небожительницу, оборотня или духа, получает в дар горы золота и женится на красавице. Авторы были разные, но вкус одинаковый. Вчитываясь, господин Линь находил слог пусть и не ослепительно роскошным, но вполне приятным и улаждающим слух; стихи пусть и не изысканно-утонченными, но довольно любопытными для смакования.

Тщательно прочитав всё от начала до конца и исправив несколько не совсем гладких мест, он убедился, что добавить или убавить больше нечего, и его тревожное сердце наконец успокоилось.

К тому времени уже стемнело, и Цуй Се давно ушел домой. Господину Линю не хотелось ни минутой дольше держать у себя этот горячий картофель, однако идти учителю к ученику домой было не по чину. Поэтому он обернул рукопись промасленной бумагой, велел младшему сыну отнести её в семью Цуй и строго-настрога наказал не заглядывать в пакет по дороге.

К счастью, мальчишке едва исполнилось десять лет. С самых малых лет отец насильно заставлял его учиться, так что тот терпеть не мог ничего, на чем написаны буквы, и даже не подумал разглядывать это сомнительное чтиво. Сын господина Линя просто бросил сверток в руки Цуй Се и буркнул:

— Отец передал задание для старшего соученика.

Пэн Янь отсыпал ему несколько кусочков лакомства из лotosового крахмала с корицей, и тот, радостно уплетая угощение, удрал.

Глядя на толщину свертка, Цуй Се всё понял. Теперь стало ясно, почему господин Линь прислал «задание» уже после уроков.

Он как раз ужинал и, боясь испачкать рукопись, пошел вымыть руки с мылом и мазью несколько раз, тщательно вытер их свежим полотенцем и только после этого развернул бумагу, чтобы ознакомиться с великим трудом.

Пэн Янь стоял рядом и тоже увлеченно вчитывался в строки. Цуй Юань издали наблюдал за их самозабвенным видом и затаил дыхание. Лишь когда они дочитали, он не удержался от вопроса:

— Ну как, интересная книжка?

Спросил он это вовсе не из любви к чтению, а желая понять, будет ли книга продаваться. Всё-таки семейные сбережения не бесконечны, а на содержании столько управляющих и приказчиков: чем раньше начнут поступать деньги, тем скорее можно будет обеспечить

молодому господину учение и сдачу государственных экзаменов.

Цуй Се не знал, что ответить.

Разница во времени более чем в пятьсот лет не позволяла ему оценить эти статьи ни с точки зрения замысла, ни по содержанию. Ему только и хотелось раскритиковать нелепость сюжета: какой-то неудачник цепляется за властную героиню, которая мало того что берет его на содержание, так еще и устраивает его женитьбу.

Ему оставалось лишь наблюдать за реакцией Пэн Яня. Мальчишка читал, как зачарованный, словно перед ним предстало величайшее сокровище литературы, и снова и снова декламировал любовные стихи главного героя. Что ж, раз так — значит, текст хороший.

Хотя сам Цуй Се находил эти повести неизмеримо уступающими четырём Великим творениям, сборникам «Троесловие и два постукивания» и даже сетевым романам по уровню увлекательности, в эпоху Мин и Цин лишь считанные произведения дожили до современных дней и сохранили широкую читательскую аудиторию. Нельзя же требовать шедевральности от сугубо коммерческого чтива.

Уяснив это для себя, он похлопал Пэн Яня по макушке и сказал:

— Рукопись доверю тебе. Сделай с нее две аккуратные копии, а я пойду к мастерам — обсудим, как печатать книгу.

Мастера на заднем дворе еще не ужинали. На втором этаже в мастерской они как раз размышляли, как правильно печатать иллюстрации.

Мастерскую Цуй Се обустроил по образцу современного офиса: расставил столы и стулья, оставшиеся от сюця Вана, по отдельному комплекту на человека. Мастера сидели парами друг напротив друга. Лишь в центре комнаты поставили длинный деревянный стол, как в харчевне, за которым они могли собираться на совещания.

Когда Цуй Се поднялся, дверь мастерской была плотно закрыта. В соседней комнате отдыха стояли большие блюда и миски с мясом, овощами и пампушками из смешанной муки; еда уже остыла, но к ней так никто и не прикоснулся. Женщина в синей кофте и юбке из простой ткани хлопотала около стола, собираясь унести остывшие блюда на кухню и разогреть.

Эта женщина, Хуан Ян, была женой резчика по дереву. Два дня назад ее семья перебралась сюда вслед за главой дома. Увидев, что хозяева — двое слуг и молодой господин — мужчины и в доме нет женщины, чтобы вести хозяйство, она сама вызвалась готовить и убирать. Цуй Се, видя, что они въехали налегке, почти без вещей и приличной одежды, выдал им авансом месячное жалование на обустройство, а самой невестке Хуан назначил пятьсот монет в месяц.

Семья Цуй платила настоящими желтыми медяками, а не низкопробными фальшивками с примесью железа, как на рынке. Шестьсот с небольшим таких монет выменивались на лян серебра. Супруги были безмерно благодарны за такую щедрость и трудились с утра до поздней ночи, не жалея сил.

Увидев Цуй Се, женщина склонилась в поклоне, приветствовала его: «Молодой хозяин» — и уже собралась войти, чтобы позвать рабочих. Но Цуй Се остановил её:

— Невестка Хуан, иди разогрей еду. Я сам поговорю с мастерами о печатных досках, а потом сразу отправлю их ужинать.

Невестка Хуан подхватила блюда и пошла вниз, а мастера, услышав голос хозяина за дверью, отложили работу и поднялись навстречу.

Едва переступив порог, Цуй Се увидел на длинном столе в центре комнаты кучу окрашенных печатных досок — целых и распиленных на фрагменты. На внешнем крае стола лежало несколько листов белой бумаги с отпечатанными яркими картинками цветущей красной сливы.

Все эти дни он был занят подготовкой к поступлению в школу и почти не заходил проверять работу, но сегодня увидел, что мастера достигли отличных результатов.

Когда он впервые заговорил с Ли Цзиньбао о цветной печати, тот не имел понятия даже о двухцветной печати черным и киноварью. А прошло всего чуть больше месяца — и они уже отпечатали целую сливовую ветвь! Черные сучья тянулись сверху вниз, выпирая узловатыми изгибами, а ярко-красные лепестки располагались с удивительной гармонией, так что издали рисунок казался написанным кистью живописца.

Вот только вблизи бросалось в глаза, что ствол был монотонно-черным, а лепестки — сплошь ярко-алыми, без мягких переходов и оттенков. К тому же черные контуры лепестков и тычинок слишком резко контрастировали с алым цветом, нарушая гармонию.

Видно, мастера использовали прежние доски для контурной печати и придумали способ закрасить пространство внутри линий, но заливка получилась слишком плотной, отчего оттиск выглядел несколько грубоватым и застывшим.

<http://bllate.org/book/18372/1761264>